

К ПРОБЛЕМЕ: ХРИСТИАНСТВО И ФЕМИНИЗМ

Мысль обратиться к названному сюжету возникла как под впечатлением от прочтения популярного романа Дэна Брауна «Код да Винчи», так и вследствие необходимости ответить, прежде всего, самому себе на ставший в последнее время вновь актуальным вопрос о месте религии в обществе.

Сюжет указанного романа завязан на критике традиционных представлений христианской церкви, прежде всего, о женщине и семье.

С одной стороны, нельзя забывать, что именно христианство укрепило институт современной моногамной семьи. Рожденная древними греками, распространившаяся в Риме, она окончательно сформировалась лишь в XI–XIII вв. после многолетних усилий духовенства. Но, с другой стороны, именно в воззрениях на семейно-брачные отношения проявились одни из наиболее глубоких противоречий между христианством и человеком как биологическим существом.

Справедливо считая семью наиболее приемлемой ячейкой для воспроизводства и выхаживания потомства, христианские богословы выработали и совершенно противоречивший человеческому существу антисексуальный взгляд на мир, взгляд, в котором отрицается чувственность, и, в первую очередь, такой присущий всему живому инстинкт, как половой. Трудно понять адептов раннего христианства, распространивших учение уставших от жизни греческих стоиков на весь мир Божий. Ведь большинство отцов церкви не были изысканными эстетам, пресытившимися доступными наслаждениями, каким был, например, выходец из аристократии Аврелий Августин (будущий Августин Блаженный, автор «Града Божьего»).

Возможно, сказался общий кризис античного общества. С одной стороны, культ тела и чувственности, эстетизация удовольствий, эпикурейство,

распространившееся в античной языческой культуре (наряду с политическими достижениями – демократией, республиканской формой правления). С другой – рабство, погубившее, в конечном счете, и экономику, и нравственность, развратившее свободных и вызывавшее нарастающий протест в не только у завоеванных римлянами народов (маргиналов по отношению к античной культуре, варваров), но и у части античной элиты. Последняя видела опасность деградации античной цивилизации, но единственным способом противостояния ей сочла вообще отказ от чувственной жизни – аскетизм (так же как во времена промышленной революции английские луддиты увидели решение проблемы растущей эксплуатации в уничтожении машин).

В итоге с водой был выплеснут и ребенок – обожествление чувственной жизни как общечеловеческой цели, что осталась в памяти европейцев как классическая культура античности. Но не только с этим христиане вошли в мир.

Борясь с языческими свободами, создатели христианства отвергли не только право человека на земные наслаждения, но унизили тех, кто был ответственен за продолжение рода человеческого – женщин. Возможно, в отместку за то, что именно они напоминали первым отшельникам об их мужской роли. Впрочем, за этим антифеминизмом стоял весь патриархальный опыт и поздней первобытности, и древних государств, оставивший женщинам лишь единственную, но и уникальную их функцию. Позволю себе предположить, что и среди женщин, разделявших эти воззрения, а таковых тоже было немало, оказывались наиболее сильные натуры, нежелавшие оставаться только орудиями детопроизводства. И действительно, в средние века на общественном поприще женщины могли проявить себя лишь в рамках монахинь.

Идея греховности полового инстинкта, которая постепенно распространилась в христианстве, окончательно оформившаяся в утверждении целибата для католического духовенства, породила, как известно, многие нарушения и извращения, сведения о которых, а еще больше сплетни и анекдоты вокруг них сопровождают всю историю христианства по наши дни. А чего стоит инспирированные церковью гонения на «ведьм» на рубеже средневековья и нового времени!

Итальянское Возрождение, вернувшее часть образованных европейцев к светской культуре, в отношении к женщинам осталось патриархальным, но, по крайней мере, сняло с чувственности клеймо греховности и блуда. Выросший из упрощенно истолкованных гуманистических идей христианский протестантизм также пошел по пути секуляризации повседневных человеческих ценностей. Вспомним лютеровское «Кто не любит вина, женщин и песен, тот на всю жизнь остается дураком».

Широкое наступление на клерикализм, а, по сути, на христианские представления о мире начали в Европе, как известно, в XVIII в. французские просветители. Хотя и они, в большинстве своем, в воззрениях на роль и место женщин оставались патриархальными консерваторами. «Как, основываясь на том, что существует какая-нибудь сотня больших городов, где женщины, ведя распущенный образ жизни, производят на свет мало детей, вы утверждаете, что для женщины естественно иметь мало детей!.. Разве для женщины не естественно быть матерью?» писал Руссо. Спустя два столетия такой признанный знаток человеческих душ, как Лев Толстой: уп-

рекал женщин, которые « ходят на разные курсы ... и... стараются избавиться от рождений детей с тем, чтобы не препятствовать своему одурению, которое они называют развитием».

Так что патриархальное отношение к женщинам было свойственно не только христианским традиционалистам. Поэтому с развитием индустриального общества и свойственного ему либерализма за гендерное равноправие взялись сами женщины – суфражистки. Уже в наше время, с 1985 г. движение за женское равноправие получило «второе дыхание» в виде феминизма. На это пытается реагировать и христианство. Протестантизм признал женское священство. И среди католиков также появились реформаторы, призывающие повернуться к современному обществу, которые даже динамичного Иоанна Павла II считали консервативным и теперь выступают против его беатификации [1]. Хотя в 1988 г. именно этот папа выступил с апостольским посланием «О достоинстве и служении женщины», в котором признается равное достоинство мужчин и женщин и это оправдывается на основе большого количества текстов. Но ведь в главном христианство, как и другие современные религии, признают все таки *Бога, Его*, то есть мужчину, чего не было, кстати, во многих языческих верованиях, содержавших и культы богинь.

Согласно христианской догматике, Бог сотворил человека по своему образу и подобию, а отличия между мужчинами и женщинами – в их различном призвании. Феминистские подходы о равенстве полов церковь отвергает. Но не только в биологическом смысле – это было бы естественно и понятно, как понятно и то, что биологическое предназначение женщины определяет и ее особое общественное положение. Но эта особенность в современном индустриальном и постиндустриальном обществе касается лишь сферы рождения и выхаживания ребенка. В остальном современные технологии уравнивают возможности мужчин и женщин.

Однако, по христианским воззрениям, в идеале муж должен быть «во главе жены». А жена «да убоятся своего мужа». Православный богослов, протоиерей В.Свешников объясняет, что это «убоятся» жены по отношению к мужу выстраивает тот нормальный божественный тип супружеского единства, который представляет собой не парламентскую республику, и тем более не «иерархию навыорот», когда жена становится во главе семьи. Любость жены должна иметь характер уважительного послушания [2, с. 145-146; 3, с. 4].

Но почему же должно быть именно так? Этот патриархальный, в буквальном смысле *ветхозаветный* постулат воспринимается как аксиома. И в оправдание: «Женщина – это существо, тонко чувствующее Бога. Но в ней заключено противоречие: именно поэтому она легко впадает в грех, но она же является носительницей религиозного чувства, его проводницей и воспитательницей» [3, с.5]. В этой аргументации ощущаются те же мотивы, которые в средние века стали обоснованием печально знаменитой демонологии, охоты на ведьм. Ведь основа тех воззрений – порочность женщин, происходившая от их психологической неустойчивости и... второсортности. Это наглядно изображалось тогда художниками, в назидательных картинах которых женские локоны плавно переходили в языки адского пламени.

И если современному западному христианству есть место и модернистам в женском вопросе, то в православной культуре идеи гендерного равенства

рассматриваются в рамках отрицательно воспринимаемого западного либерализма. В догматике можно найти массу текстов с примерами и остроумными силлогизмами, оправдывающими второсортное общественное положение женщин. Но углубление в эти тексты – путь во всю ту же средневековую схоластику, справедливо изжитую за оторванность от жизни.

Впрочем, нельзя не признать, что исторически антифеминизм, мужской шовинизм был вызван не только патриархальным опытом поздней первобытности и эпохи ранних государств. Ведь именно те юридические и экономические права, которые женщины получили в Древнем Риме (имущественные гарантии, общественную самостоятельность), в конечном счете привели к кризису семьи и традиционной морали. Многочисленные разводы, вторые, третьи и так далее браки, противоестественные замужества пожилых богатых вдов на юношах на рубеже новой эры видоизменяло основную историческую функцию семьи – выхаживание потомства. Малодетность и даже бездетность стали бичом позднеримской элиты. И критики римских порядков увидели в кризисе традиционной семьи одну из причин общего кризиса римского общества. Неспроста Августин Блаженный противопоставил земному Вавилону – римской блуднице Град Божий.

Кстати, достижение определенного полового равноправия в наше время, создавшее так называемый современный или европейский тип семьи, вернули в общество проблемы, пережитые в Позднем Риме: снижение рождаемости и ослабление семейных уз. И они становятся все более актуальными, особенно в Европе из-за сокращения в ней коренного населения. Но основная тенденция в современных цивилизациях – все же – феминизм, уравнивание женщин в правах с мужчинами. И христианский консерватизм все более теряет сторонников.

Литература

1. Минин С. Католики пишут письма протеста // Независимая газета. – 2005. – 21 дек.
2. Свешников В. Очерки христианской этики. – М., 2000.
3. Чеснокова О.И. Православный взгляд на проблемы пола в русской культуре XX века // Веснік ВДУ. – 2002. – № 4 (26).